

Пушкин и «Житие Саввы Сторожевского»

© Е. Е. СЕРЕГИНА

Автор статьи анализирует работу А.С. Пушкина над переложением Жития Саввы Сторожевского, раскрывая его языковую стратегию в отношении церковнославянского текста на конкретных примерах.

Ключевые слова: Четьи минеи, Пролог, Житие, житийная топика, церковнославянизмы.

В начале 1830-х годов Пушкин осуществил переложение Жития Саввы Сторожевского. Пушкинский текст сохранился в черновом варианте, так как работа по переводу не была полностью завершена. Лексические преобразования церковнославянского оригинала показывают, что пушкинское переложение славянского Жития становится очередным опытом выстраивания нового образа литературного языка всеми доступными средствами и в рамках любого жанра.

Письма А.С. Пушкина разных лет свидетельствуют о живом интересе поэта к житиям. В 1825 году (время работы над «Борисом Годуновым») Пушкин обращается с просьбой к Жуковскому: «...Нельзя ли мне доставить или жизнь Железного колпака, или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьх Минеях – а мне бы очень нужно» [1. С.182]. В 1831 году через посредство Плетнева он уже сам советует Василию Андреевичу обратиться к житиям, попутно давая выразительную оценку древнерусскому жанру: «Если всё еще его (Жуковского. – Е.С.) несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах;

прелесть простоты и вымысла» [2. С. 26–27]. В 1836 году с настоятельной просьбой поэт обращается к Языкову: «Пришлите мне ради бога стих об Алексее божем человеке и еще какую-нибудь легенду. Нужно» [2. С. 264]. И в этом же году Пушкин пишет своему лицейскому товарищу М.Л. Яковлеву: «Не забудь записку о святых доставить мне, грешному» [2. С. 293]. Также сохранились выписки Пушкина из житий Иоанна Кущника, св. Ора черноризца, преп. Никиты затворника Печерского и выписка из эпитафии к первой трети Четьих миней: «Жития и похвалы Святых...».

В начале 30-х годов поэт осуществил переложение с церковнославянского языка на русский Жития Саввы Сторожевского.

Суммируя изложенное, обратим внимание на три факта. Во-первых, на протяжении многих лет Пушкин читал, а возможно, и изучал жития в составе Четьи миней. Во-вторых, модальность его писем – *нужно, очень нужно, пришлите*, собственные выписки церковнославянской лексики и фразеологии позволяют предположить, что житийные тексты действительно были необходимы поэту и использовались им как языковой, литературно-эстетический и исторический материал в связи с работой над художественными произведениями. И последнее, Пушкин нигде прямо не указывает, почему его заинтересовали конкретные тексты житий, из которых были сделаны выписки, и зачем было осуществлено переложение жития преподобного Саввы. На последний вопрос не существует убедительного ответа, хотя в пушкиноведении высказывались мнения об истоках обращения поэта к Житию преподобного Саввы и практическом применении переложения Жития. Хотелось бы понять пушкинскую языковую стратегию в отношении церковнославянского текста на конкретном примере. Но прежде обратимся к проблеме источника Жития преподобного Саввы, которым воспользовался поэт: Пролог или Четьи миней?

В 1997 году в 17-м (дополнительном) томе собрания сочинений «Рукою Пушкина» комментаторы сообщают, что «текст (Жития. – Е.С.) восходит к книге: Дмитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 2. Киев: тип. Печерской лавры, 1695, л. 23–23 об. 3 декабря. Пушкин пользовался, очевидно, одним из позднейших изданий» [3. С. 88]. Однако есть работы, в которых указывается другой источник пушкинского переложения Жития преподобного Саввы – Пролог. Так, в книге «Пушкин и христианство» И. Юрьева указывается, что комментаторы неверно называют источник, которым пользовался поэт: «сам Пушкин указал, что это перевод из Пролога...» [4. С. 185].

Действительно, Житие преподобного Саввы содержится и в Четьих минеях Дмитрия Ростовского, и в Прологе. Эти тексты очень близки по содержанию, но полностью не совпадают, лексические различия очевидны. Неясность с источником возникла потому, что Пушкин своею

рукой в заглавии Жития сделал запись: «из пролога». Так возникла противоречивая ситуация: если сам Пушкин пишет, что текст «из пролога», то почему комментаторы ссылаются на «Жития святых» Дмитрия Ростовского? Чтобы снять вопрос о происхождении источника, которым пользовался Пушкин, необходимо сравнить церковнославянские тексты Жития преподобного Саввы в составе двух сборников – в Четьих минеях [5. Л. 23–23об.] и в Прологе [6. Кн. 1. С. 279] с пушкинским переложением [3. С. 87–88], отметив наиболее показательные контекстуальные различия или совпадения трех вариантов. Общая картина складывается таким образом, что там, где совпадают тексты Жития из Минеи Дмитрия Ростовского и пушкинского переложения, фрагменты из Пролога показывают различие:

Пролог: ...желая небесная доброты приятии от Бога;

Четьи минеи: ...желая небесная благая приятии от Господа;

Переложение: ...желая небесная блага приять от Господа;

Пролог: ...начаша приходити к святому от всех мест монаси и протая чадь пользы ради;

Четьи минеи: ...начаша приходити к святому от различных мест иноци и от мирских людей мнози;

Переложение: ...многия иноки люди мирские от различных мест начали к нему приходить.

Или еще пример. В Четьих минеях и в пушкинском переложении содержится фрагмент о том, что некий христоробивый князь передал средства преподобному Савве на строительство храма: «злато довольно святому на создание дав» (Четьи минеи); «...и [злато] сумму нужную на создание онаго дал святому (Пушкин). В Прологе это упоминание отсутствует. Допустить, что поэт, пользуясь текстом Пролога, самостоятельно включил этот эпизод в свое переложение, представляется маловероятным.

Остается ответить на последний вопрос: почему Пушкин в заглавии написал «из пролога»? Дело в том, что на полях страниц Минеи Дмитрия Ростовского неоднократно встречается указание на источник рядом с заглавием или даже в середине текста, например: «от патерика печерскаго», «из Симеона Метафраста собранное». И рядом с заглавием «Преставление преподобнаго отца нашего Саввы...» источник также был назван – «Пролог», эту ссылку и перенес в свой текст Пушкин. Рассказ о чудесах преподобного Саввы, который отсутствует в Прологе, но содержится в Минеях (его Пушкин не использовал в своем переложении) был взят из другого источника, на что тоже есть ссылка у Дмитрия Ростовского: «из Четьи Блаженнаго Макария митрополита Московскаго». Итак, церковнославянский оригинал Жития Саввы Сторожевского был взят Пушкиным из Минеи Дмитрия Ростовского (именно этот текст будет использоваться в статье как исходный для пушкинского перело-

жения), а источником минейного Жития, по всей видимости, послужил проложный текст.

Определившись с источником, рассмотрим лексические преобразования церковнославянского жития, сделанные Пушкиным.

В минейном тексте Жития преподобного Саввы встречаются три примера на употребление наречия *добре* («хорошо, честно»): *добре подвизася, добре иночествова, добре упасе*. Данное слово входит в состав многих стилистических формул, которые широко распространены в агиографической литературе и характеризуют различные стороны подвижнической жизни. Однако Пушкин не замыкается в рамках житийной формулы и в двух случаях исключает наречие: «добре подвизася» (Четьи минеи) – «и стал подвизаться» (Пушкин); «добре иночествова святыи в безмолвии» (Четьи минеи) – «там святыи иночествовал в безмолвии» (Пушкин). Наречие *добре* в словарях XIX века расценивалось как архаичное, книжное слово и сопровождалось пометой *церковное* [7; 8. Т. I]. Словообразовательное гнездо с корнем *добр-* является самым распространенным в тексте Жития – всего восемь словоупотреблений, поэтому можно предположить, что Пушкин исключил эти два примера, чтобы снять лексические повторы в той части текста, где не будет осязаемых содержательных потерь.

В другом примере Пушкин оставляет это же наречие, более того, он подчеркивает слово *добре* в своем тексте и минимально изменяет исходное предложение первоисточника. В Четьих минеях: «В нейже добре упасе о Христе собранное стадо, на пажить духовную возведе»; у Пушкина: «Там он *добре* пас во имя Христа собранное стадо, вода оное на пажить духовную». Образ доброго пастыря в переносно-метафорическом употреблении находим и в одном из писем Пушкина к А.И. Тургеневу: «Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса и посвящу вам, христороливному *пастырю* поэтического нашего стада» [1. С. 29]. Таким образом, особая значимость устойчивой формулы, которая восходит к новозаветному тексту, а также традиция использования в собственном языке, вероятно, определяют решение поэта в этом случае точно следовать первоисточнику и сохранить слово.

Стоит обратить внимание, что это не все примеры исключения именно наречий из текста: не сохраняются в переложении архаичные *зело* (очень), *доволно* (достаточно), *абие* (скоро), в двух случаях поэт исключает наречие *честно* (с почтением).

Интересную параллель с решением Пушкина сократить количество наречий находим в стилистических заметках П.А. Флоренского. Рассуждая о языке проповеди, он считает необходимым избегать именно этой части речи, впрочем, как и союзов, местоимений и вспомогательных глаголов: «Надо живописать существительными, прилагательными не злоупотреблять...Тогда на каждом слове можно что-нибудь получить»

[9. С. 395]. По Флоренскому, «что-нибудь получить» позволяет имя, а наречие и прочие слова – уводят от идеи, или во всяком случае позволяют ее выразить с меньшим эффектом. Для жития и проповеди характерны назидательность, заданный образец поведения, а имя передает эту идею – «из рук в руки». Похоже, это было важным и для Пушкина, который стремился к сохранению имени в тексте (существительные практически не исключаются им из Жития), чтобы прямо передать вложенные в текст жития идеи.

Обратимся к другим заменам.

Согласно Житию: «Посеем некий Христолюбивый князь прииде к Блаженному отцу Саве и умоли его да воздвигнет храм на месте том [злато довольно святому на создание дав]». Вот как выглядит этот же повествовательный фрагмент у Пушкина: «Потом некий Христолюбивый Князь, пришед к блаженному Отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и [злато] сумму нужную на создание онаго дал святому». Как видим, Пушкин размышляет, какое слово более уместно в переработанном тексте – *сумма* или *злато*. Первая лексема является западноевропейским заимствованием первых десятилетий XVIII века [10. С. 218]. Существительное *злато* с неполногласием в корне представляет книжно-славянскую традицию и, казалось бы, должно быть предпочтительнее в жанре жития, однако Пушкин все же склоняется к первому варианту. Более того, он сознательно вводит слово, заведомо чуждое для церковнославянского языка, и этим создает стилистическое напряжение точно в том месте, где вводится противопоставление двух пластов: *небесного* – христолюбивый князь просит о богоугодном деле и *земного* – князь *мира сего* выделяет на это нужную сумму.

Не сохраняется в пушкинском переложении и устаревшее в XIX веке *рамена* (мн.ч. – плечи). Заменяет Пушкин образованное по церковнославянской модели числительное *четыредесять* на русское *сорок*: «живяше на некоей горе глаголемой Сторожи...от царствующаго же града Москвы поприщ *четыредесять*» (Житие); у Пушкина: «...и поселился в пустыне на горе называемой Сторожи...в разстоянии онаго поприща от Звенигорода и *сорока* от града Москвы». Обратим внимание, что в этом же фрагменте Пушкин не сохраняет эпитет *царствующий* (город) по отношению к Москве. В этом случае поэт устраняет историческую неточность: «Москву восьмидесятых годов XIV в. еще нельзя назвать “царствующим градом”, лишь полтора столетия спустя Иван Грозный прибавит слово “царь” к титулу великого князя московского» [11. С. 173]. Добавим, что и в эпоху Пушкина Москва *уже* не являлась столицей, «царствующим градом», поэтому исторический анахронизм особенно бросался в глаза и не был включен в переложение. Пушкин и сам поправлял литературных соратников в пользу исторической правдоподобности, в 1825 году он пишет Рылееву: «Ты напрасно не поправил в

“Олеге” *герба России*. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега...» [1. С. 148].

Нельзя обойти вниманием и ряд других значимых изменений исходного текста.

В церковнославянском оригинале, кроме одного слова в составе сложного существительного – *Звенигород*, все остальные слова представлены с неполногласием в корне: *град*, *мраз*, *злато*, *страна* и др. В переложении Пушкина часть из них заменяется на русские полногласные варианты: *на правой стране* (Житие) – *на правой стороне* (Пушкин), *Звениграда* (Житие) – *Звенигорода* (Пушкин), *мраз noctный* (Житие) *ночныя морозы* (Пушкин). Обратим внимание на последний пример. Изменяя исходное сочетание *мраз noctный*, Пушкин полностью его русифицирует, используя не только полногласную форму существительного, но и прилагательное с русским фонетическим рефлексом – *ночныя* (*морозы*).

В другом пушкинском примере: «... и построил храм честнаго и славнаго Рожества пречистой Богоматери» – слово с церковнославянским рефлексом *жд* (Рождества) заменяется на слово с русской огласовкой – *Рожества*. Надо сказать, что в письмах поэта, в его произведениях довольно часто встречаются примеры слов с русским обликом и даже те, которые традиционно относятся к церковному обиходу и в литературном языке сохраняют южнославянский вид. Из письма Л.С. Пушкину: «Поздравляю тебя с *рожеством* господа нашего и прошу поторопить Дельвига» [1. С. 122].

Заменяются в пушкинском переложении церковнославянские слова с начальным *e-* на соответствующие русские с начальным *o-*: *поприще едино* (Житие) – *однаго поприща* (Пушкин).

Описание кончины подвижника, которая имеет значение итога, венца всей его земной жизни, является обязательным элементом житийной топки. Читаем в Житии: «предаде душу свою в руке Божию». Пушкин сохраняет из оригинала не только все элементы сюжетной формулы, но и архаичную форму существительного с рефлексом второй палатализации – *въруце*, заменяя лишь форму аориста *предаде*: «предал душу свою в руке Божию». При этом другие существительные с основой на задне-небный согласный в тексте пушкинского переложения употребляются в соответствии с современными нормами: *владыке* (Пушкин) – *Владыце* (Житие), *иноки* (Пушкин) – *иноцы* (Житие).

Лексические преобразования церковнославянского текста Жития показывают, что поэт не следовал строгому принципу – высокий жанр требует исключительно высокого, книжного слова. Пушкин достаточно свободно выходит за рамки славянского поля текста, в некоторых случаях устранив славянизмы и даже замещая их западноевропейскими заимствованиями. Можно полагать, что все эти преобразования были

частью стратегического замысла – приспособить язык повествования одновременно и к духовным, и к художественным задачам. При общей сохранности славянского облика Жития количество славянизмов сокращается в той части, где речь идет о бытовых ситуациях, а духовно значимые события сохраняют право на церковнославянское слово или форму. Все это выводит пушкинское переложение к двухплановому повествованию со сгибом по линии «святое»/«мирское» с тем, чтобы донести духовные идеи как важнейшие в житийном тексте, а мирские понятия как сопутствующие им.

Литература

1. *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10 т. Письма 1815–1830. М., 1977. Т. 9.
2. *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10 т. Письма 1831–1837. М., 1978. Т. 10.
3. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. М., 1997. Т. XVII (дополнительный).
4. *Юрьева И.Ю.* Пушкин и христианство: Сборник произведений А.С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. 2-е изд., доп. М., 1999.
5. *Дмитрий Ростовский.* Жития святых. Киев, 1695. Кн. 2.
6. Пролог. Книга 1. Сентябрь–февраль. М., 2003.
7. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.
9. Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М., 2004.
10. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., Т. II.
11. *Листов В.С.* Вокруг пушкинского отрывка «На тихих берегах Москвы...». Болдинские чтения. Горький, 1980.

*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Москва*